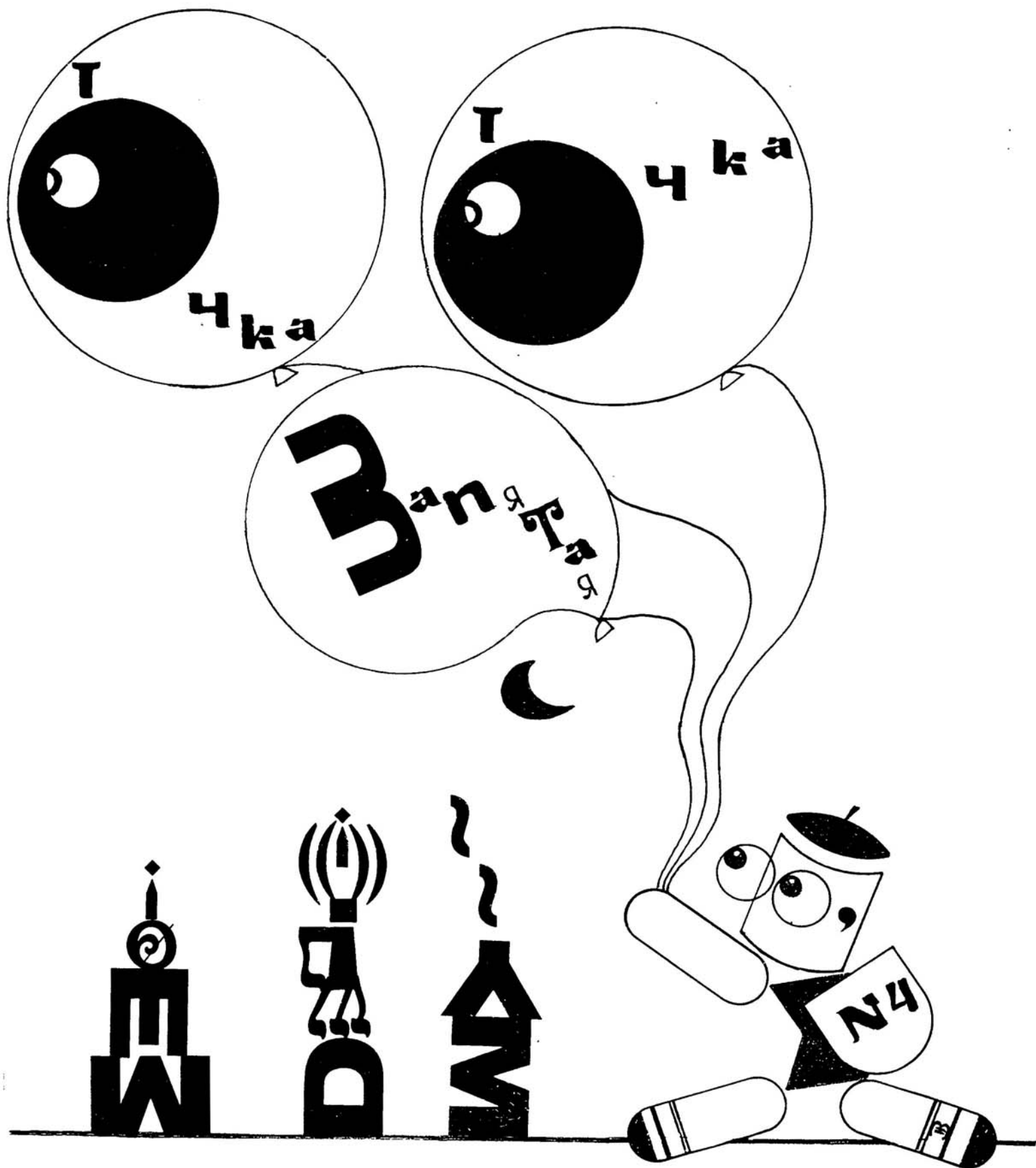

История о том, как Марик- Кошмарик всех конфетами "КороВка" угощал

Однажды Марику-Кошмарнику подарили кулек конфет "Коровка".

— Не забудь всех угостить, Марик, — посоветовала ему бабушка Груня. Марик задумался. Угощать всех не входило в его планы. Того и гляди самому не хватит.

— Не забуду, бабуля, — сказал Марик, — вот вернется с курсов мама, и я всех угощу.

— Марик, ты не забыл всех угостить? — Спросила его бабушка Груня, когда мама вернулась с курсов.

— Не забуду, бабуля, — успокоил ее Марик, — вот вернется с халтуры папа, и я всех угощу.

— Марик, ты ничего не забыл? — Спросила его бабушка Груня, когда папа вернулся с халтуры.

— Нет, бабуля, — тяжело вздохнув, сказал Марик и взял в руки кулек с конфетами. Он достал из кулька конфету и посмотрел на Динку-Блондинку.

— Диночка не любит конфетки, — сказал Марик.

— Враки! — Закричала Динка-Блондинка и взяла у Марика конфету.

— Мапочка не хочет конфетку, — сказал Марик.

— Почему ты так решил, Марик? — Удивилась мама и взяла у Марика конфету.

— Папа уже съел конфетку, — сказал Марик.

— Неужели? — Воскликнул папа. — Да, кажется, в прошлом году я, действительно, я что-то такое съел. Но в этом году я бы, честно сказать, не отказался. — И папа взял у Марика конфету.

— Бабуле вредно есть конфетки, — сказал Марик, — у нее болят зубки.

— Вставные! — Возмутилась бабушка и взяла у Марика конфету. Марик-Кошмарик подошел к зеркалу и печально взглянул на свое отражение.

— Марику нужны конфетки, — сказал Марик и быстро запихнул все, что осталось в кульке, себе в рот.

На следующий день его повели к зубному врачу, но это уже совсем другая история.

А об этой истории Динка-Блондинка сочинила стишок:

Вылез Марик из-под арки,
Начал всем дарить подарки:
Папе — дулю, маме — фигу,
А сестричке — кукиш с маслом.

Стишок вызвал справедливое негодование всей семьи. Ни из-под какой арки Марик-Кошмарик не вылезал. Но Динка-Блондинка считала, что в настоящем стихотворении должна быть по крайней мере одна рифма.

Приветствую вас, дорогие дети!

Сегодня позвольте мне усладить ваш слух новыми историями (ак и ведь, говорят, на Востоке, и значит, истории эти — восточные). Первая восточная история — про Марика-Кошмарика, а вторая, третья и четвертая — про сладкую страну Марципанию, которую открыла и описала Динка-Блондинка.

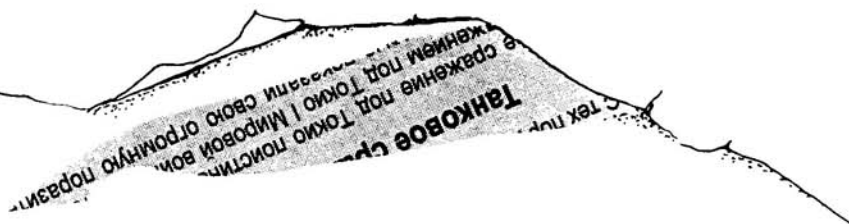
Только прежде я должна предупредить вас — от сластей портятся зубы! Кому и знать об этом, как не нам с дедушкой! Ведь у нас давно уже вставные челюсти, у меня — с Блошиного рынка, то ли маленького археоптерикса, то ли большой акулы, а у дедушки — своя собственная! Он давно мечтал о такой! Очень уж ему надоело слышать о вредных карамельках и опасной для здоровья халве. "Хоть бы испортить эти зубы поскорее и завести себе вставные", — думал мой дедушка.

Наконец, у него выпал первый зуб. Дедушка обрадовался, сразу научился свистеть через дырку и сплевывать особенным заливчатским способом. "А когда они все повываливаются, — думал мой дедушка, — то-то жизнь начнется!"

Чужой дедушка, друг моего дедушки, потихоньку пытался раскатать хоть какой-нибудь завалящий зуб, но ничего из этого не выходило!

Жаль, недолго длилось дедушкино счастье. Не успел выпасть второй зуб, как на месте первого уже вырос новый. Так оно и повелось — зубы росли, как грибы!

Но не переживайте, этим дело не кончилось. Не прошло и шестидесяти лет, как у моего дедушки появилась новенькая вставная челюсть. Вот и вы, дорогие дети, не теряйте надежду и берегите зубы! И то, и другое вам еще пригодится.

НОВОСТИ

Внимание, внимание:
В эфире – Марципания.
Новостей у нас вагон
И еще тележка:
К нам пожаловал дракон.
Страшный. Сладкоежка.

В опасности родина,
А дракон – уродина.

Он уже тянучку съел,
Ест теперь ириску.
Разбегайтесь все, кто смел,
Избегайте риска.

Внимание, внимание:
В эфире – Марципания.

Съел он коржики в меду,
Пахлаву с халвою,
А на прочую еду
Качает головою.

Избавлена родина,
А дракон – уродина.

Он испортил аппетит
И теперь не страшен,
Но от этого на вид
Он не станет краше.

Королевская закуска

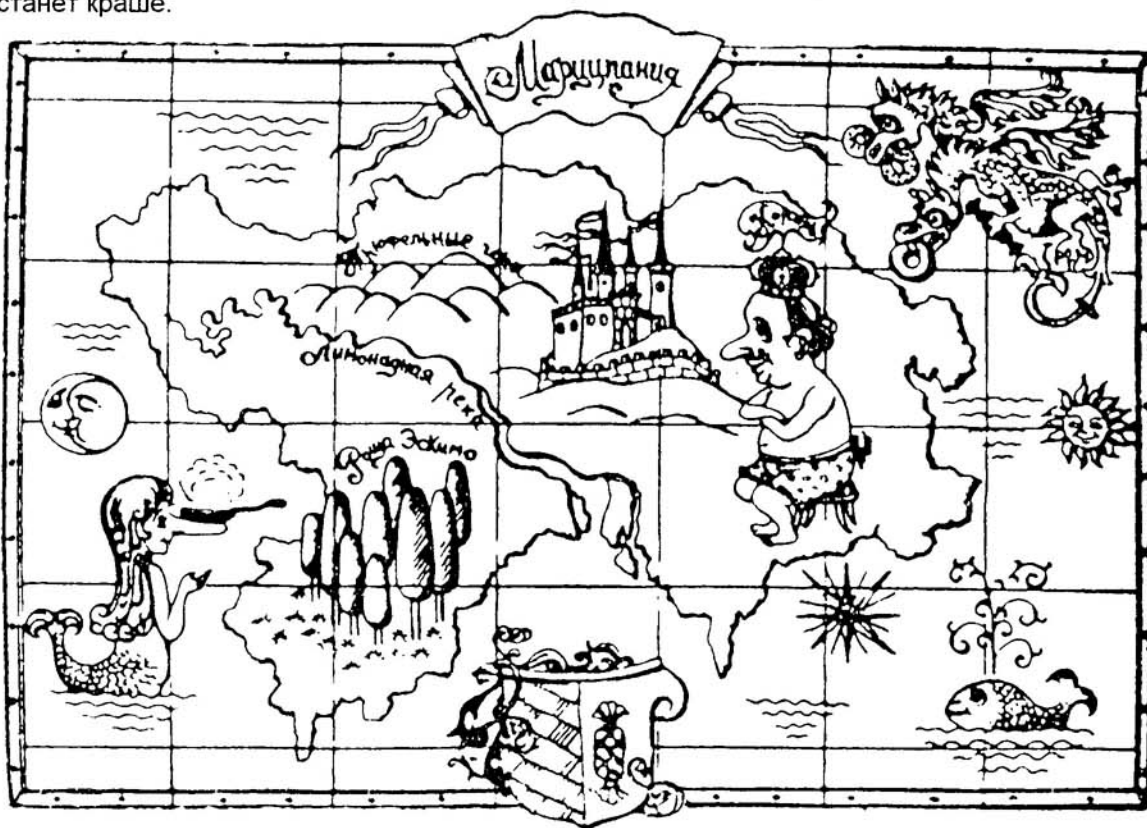
Марципановый король
Знал магический пароль.
Если скажет: "Две тетери",
То ему откроют двери

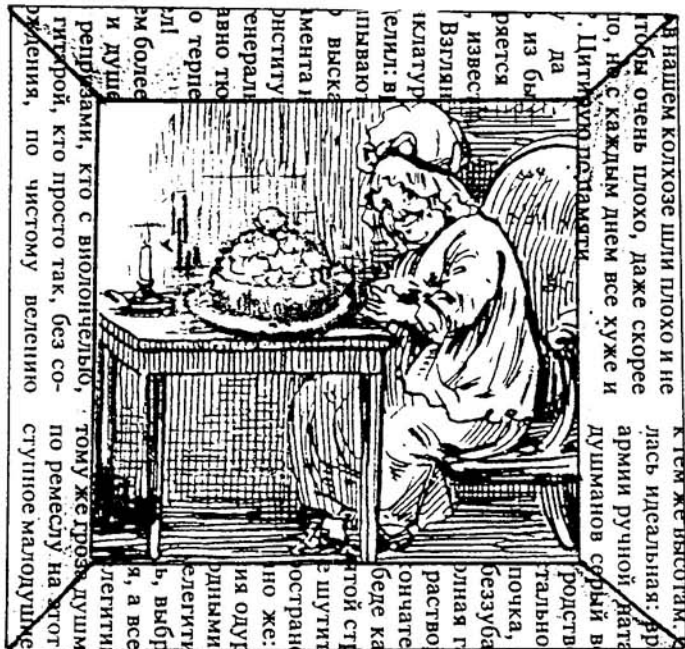
А за ними – чудеса –
Два квадратных колеса.
Запрягай скорей телегу,
В море плюхнемся с разбегу.

В море жарят колбасу
У русалки на носу.
Наш король проголодался,
У дверей пока стучался.

Королевское купание

Марципановый король
Плыть учился стилем кроль.
– Буль, – сказал он, – низкий класс
Баттерфляй, буль-буль, и брасс.
Лимонадная река
Оказалась глубока.
Буль, – сказал он, – без прикрас
Лучше баттерфляй и брасс.
Буль-буль-буль, вот незадача!
А вернее – по-собачьи!

история О то М, как мазик — кошмазика Гоголь могolem кормил и

Марик-Кошмарик очень не любил спать. Особенно днем, не говоря уже о ночи. Это по его мнению была пустая трата драгоценного времени. Но, к сожалению, ему никогда не удавалось объяснить это бабушке Груне. Она и слышать ничего подобного не желала. Ребенок должен спать, — считала бабушка Груня. Папа, мама и Динка-Блондинка были с ней совершенно согласны. А ребенком, представьте себе, был Марик-Кошмарик! Так во всяком случае считали бабушка Груня, папа, мама и Динка-Блондинка. Марик-Кошмарик так не считал. Он придерживался на этот счет другого мнения.

— Я уже не ребенок! — Заявлял Марик-Кошмарик, но с ним почему-то никто не соглашался.

— Ну что ж, пусть им будет хуже, — решил Марик-Кошмарик и лег спать, — они еще пожалеют о том счастливом времени, когда Марик-Кошмарик не спал. Теперь-то он будет спать вечно. Вечным сном.

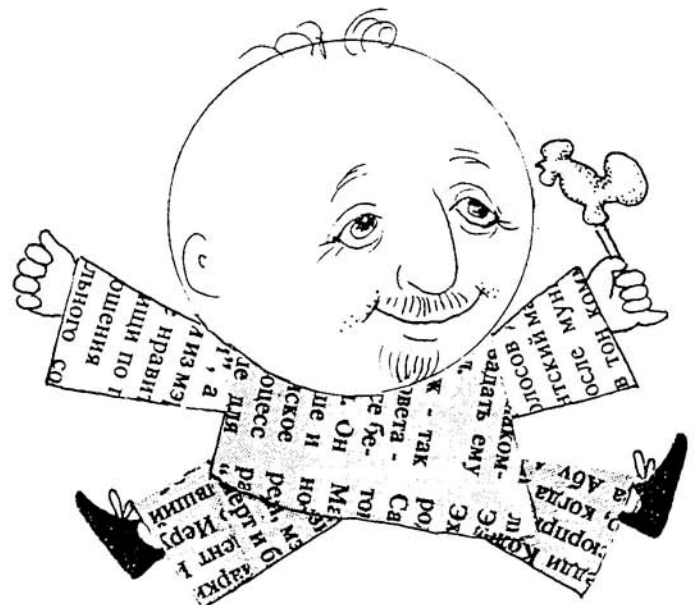
Марик-Кошмарик взбил свою подушку и перевернулся на другой бок — перед тем как залечь в спячку следовало устроиться поудобнее. Неплохо было бы еще пососать лапу, но лапы Марика-Кошмарика были хорошенько вымыты перед сном и пахли мылом. Сосать их было невкусно. У Марика-Кошмарика засосало под ложечкой. Марик-Кошмарик не знал — под какой ложечкой у него сосало. Может быть, под чайной, а может быть, под столовой. В любом случае, это было невыносимо. И выносить это вечно Марик-Кошмарик не собирался.

Динка считает, что она открыла Марципанию. Все остальные ей не верят. Говорят: "Верю, верю всякому зверю, даже ежу, а тебе погожу". Даже я ей не очень верю. Ведь Марципанию обнаружили довольно давно. Может быть, сто лет тому назад, а может, двести. Мой дедушка, когда был мал, вместе со своим другом, чужим дедушкой, который и того был меньше, как-то раз тоже отправились в Марципанию. Они долго собирались в путь. Ведь нужно было запасти провиант, а это дело серьезное, в спешке неосуществимое. Каждый раз, получив на полдник шоколадку или пастилу, карамельку или мармелад, оба дедушки, мой и чужой, прятали их в большую картонную коробку. И только когда коробка наполнилась до самого верха, оба дедушки, мой и чужой, отправились в дорогу. От коробки пахло так сладко!

- Сделаем привал? — Спросил чужой дедушка.
- Почему бы и нет.
- Закусим? — Спросил чужой дедушка.
- С удовольствием.

Оба дедушки сели на нижнюю ступеньку лестницы и закусили. Мой дедушка закусил петушком на палочке, горстью засахаренного миндаля и кислым леденцом. Чужой дедушка закусил рахат-лукумом, карамелькой с повидлом, шоколадным зайцем и сказал, что хочется соленого огурчика. Провианта было еще много, но соленого огурчика в картонной коробке не нашлось. Моему дедушке зверски хотелось пить. Путешествие не состоялось. Путешественники разошлись по домам. Но нельзя отрицать тот факт, что о существовании Марципани было известно уже в те далекие времена. Так что, наверное, Динка все-таки привирает.

А я, если вам еще не хочется пить или соленого огурчика, расскажу правдивую историю, в которой речь пойдет о сладком.

– Бабуля, вставать пора? – Спросил Марик-Кошмарик.

– Спи, Маричек, спи. Ты только что лег, – сказала бабушка Груня. Она даже не заметила, что Марик проспал уже целую вечность.

– У меня под ложечкой сосет..., – заныл Марик-Кошмарик.

– Спи, Маричек, – сказала бабушка Груня, – если ты поспишь, я дам тебе гоголь-моголь.

Это звучало заманчиво. Марик снова взбил свою подушку и перевернулся на другой бок.

– Бабуля, а что такое – гоголь? – Спросил Марик-Кошмарик.

– Такой писатель, – сказала бабушка Груня, – он написал: "Знаете ли вы украинскую ночь?"

– Не знаем, – сказал Марик-Кошмарик и перевернулся на другой бок.

– Бабуля, а почему он – моголь? – Спросил Марик-Кошмарик.

– В честь Гоголя, – сказала бабушка Груня.

– А гоголь – почему? – Спросил Марик-Кошмарик.

– Для рифмы, – сказала бабушка Груня.

– А рифма – зачем? – Спросил Марик-Кошмарик.

– Спроси у Диночки, – сказала бабушка Груня, взбила Марику-Кошмарiku подушку и пошла на кухню взбивать гоголь-моголь.

Марик-Кошмарик тоже пошел на кухню. На кухне сидела Динка-Блондинка и готовила уроки.

– А рифма – зачем? – спросил Марик-Кошмарик у Динки-Блондинки. И, не дожидаясь ответа, сообщил:

– А мне бабуля гоголь-моголь даст!

– Да ведь ты, Маричек, не спал совсем! – Возмутилась бабушка Груня, – Никакого гоголь-моголя тебе не полагается.

Этого Марик-Кошмарик стерпеть не мог. Сперва велит у Диночки спросить, спать ребенку не дают, а потом и в гоголь-моголе отказывают! Такой несправедливости Марик-Кошмарик не вынес. Он заорал. Он орал долго – целую вечность. Вернулась с курсов мама – Марик орал, вернулся с халтуры папа – Марик орал. Соседи стучали в стену – Марик орал. Наконец,

кто-то с улицы заорал: "Дать бы ему как следует!", и тут Марик заткнулся. Потому что бабушка Груня дала ему целую чашку гоголь-моголя. И сразу наступила тишина. Только слышно было, как Марик-Кошмарик выскребает остатки.

История,
Рассказанная
Динкой-Блондинкой
Коту Феофану

Малютка Крыс спустился вниз
С шестого этажа.

Он съел ирис, ирис "Кис-Кис"

Без вилки и ножа.

Внизу сидела кошка Кот

(То было не впервой).

– Кис-кис, Крыс-Крыс, –

Сказал живот, –

Беги, пока живой! –

– Ирис "Кис-Кис", – подумал Крыс, –

Для живота полезней,

Чем рис, анис и барбарис.

(Спасает от болезней).

Когда бы я не поместил

В живот ирис "Кис-Кис",

Знакомый дядя Домовой

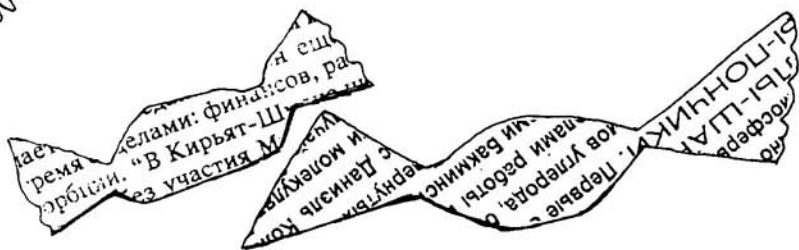
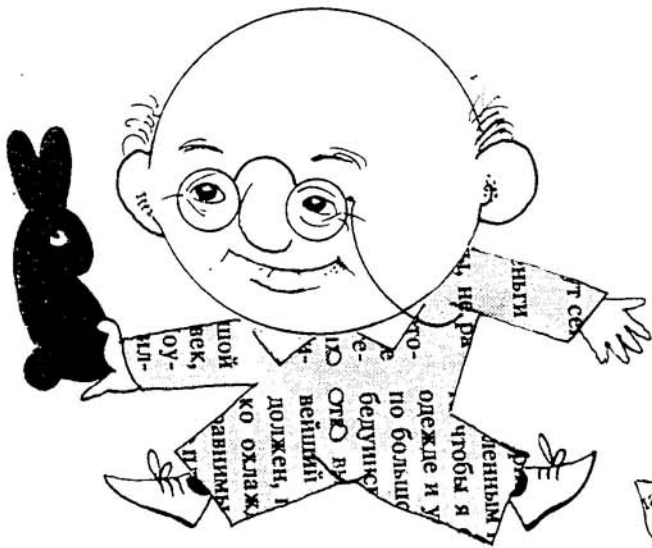
От горя бы раскис.

– В расцвете сил погиб наш Крыс! –

Рыдала бы родня. –

Нет, без ириса я живой

Не прожил бы и дня.

Политическая история

Готовы ли вы к серьезному разговору? А к очень серьезному разговору? А к очень-очень страшно серьезному разговору? Неужели готовы? А вот я почему-то не готова. Как подумаю о чем-нибудь серьезном, так сразу спать хочется. Совсем как в том стишке, который любит вспоминать бабушка Динки-Блондинки:

Говорливая горилла
Говорила, говорила,
От ее речей сморила
Вдруг дремота гамадрила.

Так что вы уж меня, пожалуйста, извините, но давайте не будем о серьезном. Поговорим лучше о политике. А горилла и гамадрил – это такие обезьяны, совершенно серьезно.

Папа Марика-Кошмарика очень любил поговорить о политике. Он начинал говорить о политике с утра, сразу после сводки новостей. В это время он, как правило, варил маме Марика-Кошмарика вторую чашечку кофе. Потому что первую чашечку кофе мама Марика-Кошмарика выпивала еще во сне. В тех редких случаях, когда новости были хорошие, папа подавал маме кофе в постель и начинал разговор издалека.

– Да, дорогая, – говорил папа Марика-Кошмарика, протирая запотевшие от горячего кофе очки, – политика – штука тонкая, тут без очков не разберешься. Ведь с одной стороны посмотришь – дело дрянь выходит, а с другой стороны посмотришь – совсем плохо дело, вот теперь самое время с третьей стороны смотреть. А только – где она – третья-то сторона? Нет, я тебе прямо скажу, дорогая, наше правительство голыми руками не возьмешь, попомни мои слова.

Только чаще новости папе не нравились. Тогда в лучшем случае кофе выкипал на плиту, а в худшем – папа просто забывал его сварить. В такие дни маме Марика-Кошмарика приходилось засыпать снова, а папа Марика-Кошмарика начинал метаться по квартире и громко беседовать с самим собой. Папа Марика-Кошмарика подходил к теме вплотную, или, как говорила бабушка Груня, брал быка за рога.

– Если бы я был правительством, – кричал папа Марика-Кошмарика, – я бы знал, что мне делать! Я бы подал в отставку, вот что я сделал бы, я бы на пенсию ушел!

– Тогда уж он наверняка перестанет бегать из угла в угол, – думал Марик-Кошмарик, которому папина беготня мешала думать о чем-нибудь более интересном, и все ждал, когда же папа, наконец, станет правительством.

Самый-самый большой,
или произведенный 7 тысяч лет назад!
из которых имеет диаметр в см. Эти три
являлись.
идеи.
самыми
и на протяжении назывались гигантами.

— Зато ты можешь стать королем! — Закричала Динка-Блондинка (как ужаленная). — Ведь король — это один человек, а не какой-то там кабинет! Настоящим Марципановым королем! И ты можешь сразу уйти на пенсию!

— Ну, на пенсию я и так когда-нибудь уйду, — мечтательно сказал папа, — пока что я предпочел бы поработать. Тем более — Марципановым королем.

— Динка, — спрашивал Марик-Кошмарик, — а наша бабуля тоже была правительством? Она ведь уже на пенсии.

— Не глупи, — сердилась Динка-Блондинка, — бабуля была бухгалтером, ты же знаешь!

Динка-Блондинка очень хотела, чтобы папа стал правительством.

Именно поэтому она так сердилась на Марика-Кошмарика. Марик-Кошмарик со своими детскими глупостями даже и представить себе не может, как важно для их семьи, чтобы папа стал правительством!

— Папа, — спросила однажды Динка-Блондинка их общего с Мариком-Кошмариком папу, — а что нужно, чтобы стать правительством?

— Нужно, чтобы тебя выбрали, — ответил их общий папа.

— А если мы с Мариком тебя выберем? — Спросила Динка-Блондинка.

Папа засмеялся и объяснил, что правительство — это не один человек, а целый кабинет.

— Значит, ты никогда не сможешь стать правительством? — Разочарованно вздохнул Марик-Кошмарик. — Ведь у нас нет кабинета! У нас только две комнаты и кухня...

Все загрустили. Папа снова начал мотаться из угла в угол. Марик-Кошмарик забился в коляску красного мотоцикла "Ява" и решил притворяться маленьким. Раз уж он все равно не может ни о чем спокойно подумать, то лучше не думать совсем. Динка-Блондинка села перед черным пианино "Красный Октябрь" и вдруг подскочила как ужаленная.

Травка зеленеет, солнышко блестит, муха к нам с весною весело летит. Короче говоря, весна, каникулы, крестьянин торжествует. А чего торжествует? Никто не знает. Вот моя собака Муха торжествует, потому что муха летит. Много мух, и все летят. За ними можно гоняться по всему дому, скакать, переворачивая все на своем пути. А они тем временем что-то такое музыкальное называют. Не опера "Иоланта", конечно, но тоже все-таки музыка.

Вот и я расскажу вам сегодня музыкальную историю.

История про **КЛ** МО Т О Ц И **И** **ПИАНИНО**

Когда семейство Марика-Кошмарика приехало в Иерусалим, оно привезло с собой черное пианино "Красный Октябрь" и красный мотоцикл "Ява" с коляской.

— Дорогой мой, — спросила мама Марика-Кошмарика папу Марика-Кошмарика перед отъездом, — зачем нам тащить с собой эту бандуру, ведь ты не мотоциклист?

— Что делать, моя милая, — ответил папа Марика-Кошмарика маме Марика-Кошмарика, — все везут, значит — надо. В конце концов родится у нас Марик-Кошмарик и станет мотоциклистом. Вот и выйдет, что не зря мы "Яву" покупали.

Но про пианино папа и слушать не желал.

— Зачем нам тянуть с собой этот черный ящик? Если все везут, так и нам обезьянничать нужно? — Возмущался папа Марика-Кошмарика. — Ведь ты, моя милая, не пианистка.

— Что поделаешь, мой дорогой, — возражала ему мама Марика-Кошмарика, — вот вырастет Диночка, начнет брать уроки музыки, глядишь, и будет у нас пианистка.

Так они и приехали в Иерусалим — бабушка, дедушка, мама, папа, Котофей Иванович, Дина и мотоцикл с пианино. А в Иерусалиме родился у них Марик-Кошмарик. Когда он родился, уложили его в мотоциклетную коляску, а когда он подрос, его от руля было просто не оторвать.

— Я дядька-мотоциклист! — Орал Марик-Кошмарик.

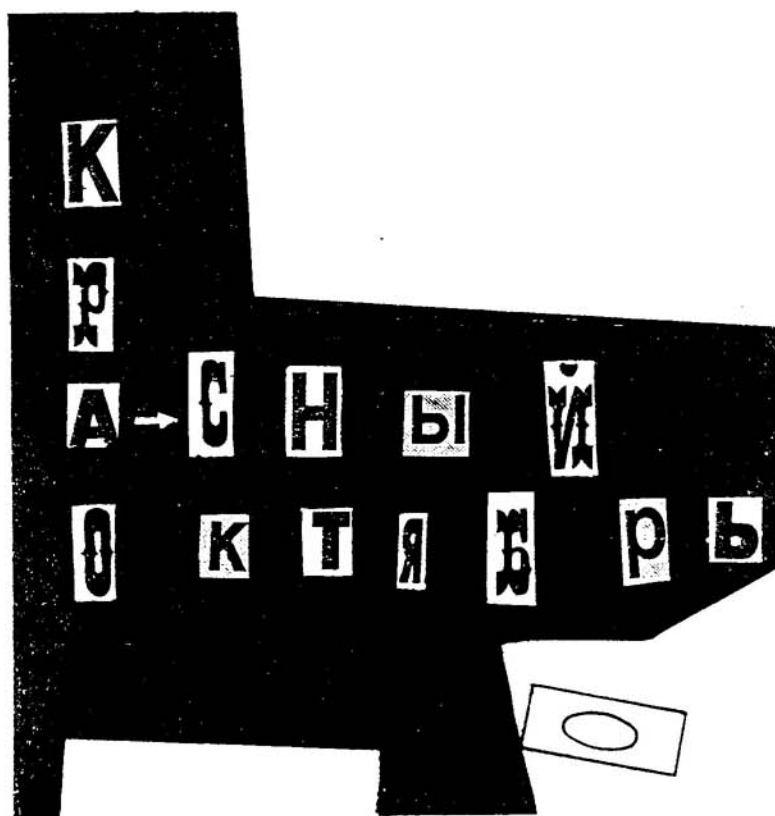
— Вот, мотоциклист растет! — Гордо говорил папа. — Видишь, милая моя, как я был прав!

Мама только вздыхала. Динка-Блондинка подросла, но пианисткой не стала. Не то чтобы ей не хотелось стать пианисткой. Нет, она была бы не прочь. Она даже любила представить себе переполненный зал, бурю аплодисментов и себя в платье с блестками на сцене. Но стоило ей сесть перед пианино и уставиться в его черную зеркальную поверхность, как она забывала обо всем.

— Тоже мне, зеркальце нашло! — Сердилась бабушка Груня. — Ты в нем на трубочиста похожа!

— Все о мальчиках думаешь! — Сердился папа.

— Диночка у нас не девочка, а прямо какая-то дамочка, — сердился Марик-Кошмарик.

Мама только вздыхала и шла варить себе кофе для поддержания угасающих сил. А Динка-Блондинка смотрела в черную зеркальную поверхность и ничего не замечала.

— Пора этот гроб с музыкой продать, — сказал папа, — он только занимает место.

— И отвлекает Диночку от учебы, — добавила бабушка.

— Из-за него она не хочет ездить на мотоцикле !— Закричал Марик-Кошмарик.

Дедушка Бисмарк ничего не сказал. Он давно уже разбился на много маленьких дедушек и закатился во все углы и щели. А мама только вздохнула.

— Нет, — неожиданно вмешалась Динка-Блондинка, — его нельзя продать. Иначе вам придется продать всю нашу семью в рабство, а все наше королевство отдать врагам.

— Какое королевство, Диночка? — Осторожно спросила бабушка Груня.

— Наше королевство Марципанию, — сказала Динка-Блондинка и ткнула пальцем в черную зеркальную поверхность, где смутно отражались бабушка, мама, папа, Марик-Кошмарик, Котофей Иванович, мотоцикл "Ява" и сама Динка-Блондинка, — я открыла его сама. Папа там король, мама — королева, а мы с Мариком — принц и принцесса.

— Во дает! — Присвистнул Марик-Кошмарик.

— А я там кто, Диночка? — Осторожно спросила бабушка Груня.

— Ты — королевская бабуля, — сказала Динка-Блондинка. Папа покачал головой. Мама вздохнула. А пианино "Красный Октябрь" осталось стоять, где стояло.

ТРИ НЕМУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

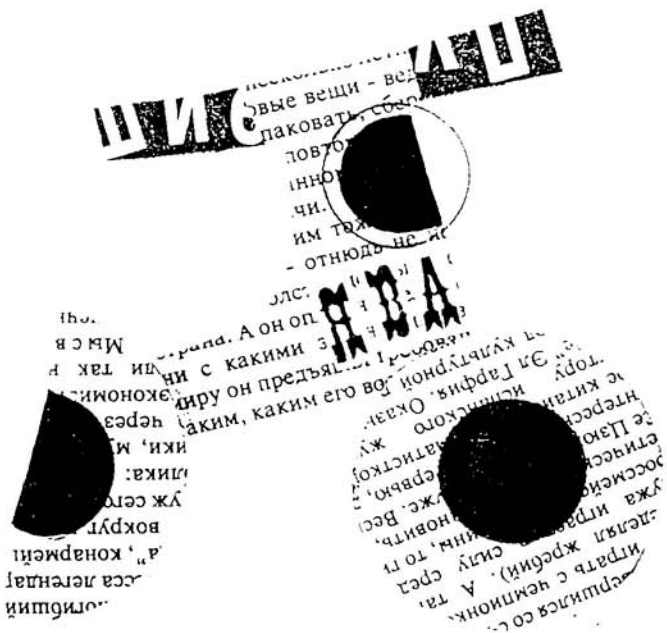
Хор придворных привидений
Исполняет вальс осенний.
Бледный месяц, крики сов.
Жалко, не расслышать слов.
Воет ветер, плачут ивы.
Жаль, мотивчик некрасивый.

Домовой сидит в подвале
И играет на губе.
Ему кошки помешали,
Получилось: "Бе-бе-бе".
Снова выпятил губу,
Получилось: "Бу-бу-бу".
Так сидит, старается
— Что-то не играется!

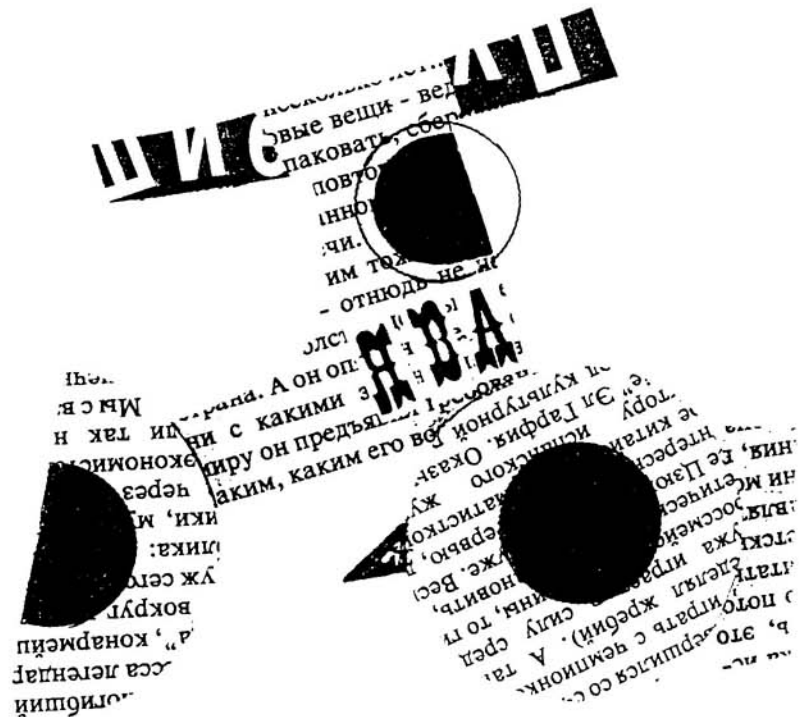

Ноет леший на поляне,
Он остался вдруг без няни.
Няня села на метёлку
И взлетела выше ёлки,
Улетела на луну,
Чтоб найти там тишину.

– Тпру! – Тормозил Марик-Кошмарик, в последнюю секунду избежав смертельного столкновения с резко затормозившим принцем Марципанским. Принц Марципанский тоже тормозил в последнюю секунду. А мотоцикл "Ява" так и стоял на своем месте – прямо напротив черного пианино "Красный Октябрь" и мотоцикла "авЯ". В коляске мотоцикла "Ява" дремала бабушка Груня, в коляске мотоцикла "авЯ" дремала королевская бабуля. Они обе любили чутко вздремнуть, прикорнуть в уголке и покемарить часок-другой. Правда, бабушка Груня терпеть не могла в этом сознаваться. Бабушка Груня уверяла всех, что у нее и

ночью-то бессонница, а уж днем она и вовсе глаз не смыкает. Марик-Кошмарик утверждал, что бабушка Груня не только спит, но еще и храпит, но бабушка Груня клялась и божилась, что это поклеп и клевета. На самом деле бабушка Груня сладко посапывала, а если уж при этом получалось что-то вроде "Гр-р-р...у-у-у...гр-р-р... у-у-у-у...", то это ничего не меняло.

Что считали принц Марципанский и его королевская бабуля и что там было на самом деле – науке неизвестно, поэтому я о том умолчу.

– Тр-р-р! – Трещал Марик-Кошмарик, мчась во мрак неизвестности. Иногда он для разнообразия тормозил и тогда говорил: – Тпру!

– Гр-р-р...у-у-у-у...гр-р-р...у-у-у-у., – Похра...нет, сладко посапывала бабушка Груня, не обращая ни малейшего внимания на грозящую ей смертельную опасность от столкновения с королевской бабулей.

Так все и продолжалось бы – тихо и мирно. Но внезапно... за спиной марципанского принца Марик-Кошмарик вдруг увидел страшно сердитую Марципанскую принцессу. При виде ее Марик-Кошмарик хотел притормозить, но с перепугу все перепутал и вместо "Тпру!" сказал "Тр-р-р!".

– Тихо, Марик! – Заорала Марципанская принцесса, пытаясь перекричать треск мотора. – Бабуля спит, а ты что делаешь?

– Что ты, Диночка, что ты! – Сказала бабушка Груня, просыпаясь. – Я совсем не спала. Да разве заснешь, когда у тебя кто-то над ухом названивает. "З-з-знаете ли вы украинскую ночь?" – Спрашивает. Я ему говорю: "Знаю, знаю, тиха украинская ночь..." А он мне, негодник, и говорит: "Нет, вы не з-з-знаете украинской ночи!" Я даже заикаться начала от негодования. "Про-з-з-зрачно, – говорю я ему, – небо, з-з-звезд-зды, – говорю, – блещут..." А он все з-з-звенит и з-з-звенит над ухом, з-з-заливается!

– Тпру! – Притормозил, наконец, Марик-Кошмарик. – Это был Марик-Комарик, бабушка. От комариков всегда много звона.

Еще одна немзыкальная ИСТОРИЯ

Жил бравый брендмейстер,
Высокий и стройный,
Стоял он на месте,
Как кран ручной.
И если случалось, что где-то горело,
Во веки веков не бежал он от дела.
Смотрел на пожар немигающим взором
И думал: "Ах, если б я стал дирижёром!
Махал бы я палкой своей дирижёрской...
Что может быть лучше работы актёрской?"

И ДРУГАЯ

Немзыкальная история

(но обе сочинила Динка)

Фокстерьер эрдельтерьера
Светским обучал манерам:
Шаркать ножкой, не зевать
И не лазать на кровать,
Снимать шляпу, не храпеть
И романсы громко петь.
Два терьера не зевали,
Дружно пасти разевали,
Оглушительно завывли:
"Вы ли это, Терри, вы ли?
Что ж вы, Терри, убежали,
Уши лапами зажали?"

И.Зандман

ВИРЛУВЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Приключение и путешествие

Тьма редела. Лес, еще недавно казавшийся уснувшим лиловым динозавром, от которого все же лучше держаться на почтительном расстоянии, приблизился, и стали видны порозовевшие стволы сосен.

– Прекрасно, – с облегчением вздохнул Просто Пиня. – Теперь хоть можно отличить елку от палки.

– Да? – Заинтересовался Барнаба. – Ты думаешь, тебе это удастся?

– Хотел бы я знать! – Неожиданно выпалил Вирлуве. – Хотел бы я знать, что же нас ждет!

– Меня – бабушка... – Пробормотал Просто Пиня и погрузился.

– Думаю, нас ждет путешествие... – Начал было Барнаба, но Вирлуве перебил его:

– Путешествие – это я и сам знаю. Что ждет нас в этом самом путешествии – вот что важно!

– Для кого как, – пожал плечами Барнаба.

– Приключения, встретим ли мы их? – Продолжал взволнованный Вирлуве, – Сразимся ли с драконом, расколдуем ли принцессу, найдем ли клад, вернемся ли со славой домой?

– Вообще-то динозавра мы уже видели, – покачал головой Барнаба. – Хочешь еще? Может, еж попадется, может, фея, а может, коряга. По-моему, одно другого стоит. Чем мухомор не находка, а лесной ручей не открытие? Все зависит от подхода...

– Да, – подхватил Просто Пиня, – от похода. Если правильно пойдешь, обязательно найдешь. Так всегда моя бабушка говорила, когда в погреб лазала.

– Ммм, – промычал Барнаба, – можно и так, конечно, сказать, можно и иначе. Во всяком случае все зависит от случая. А что до принцесс, мне без них как-то лучше, спокойнее, что ли... Да и тайные знаки на сосновой коре интереснее разглядывать, чем пыть над грязной, мятой бумажкой с черепом и костями. Мне лично все равно, где здесь собака зарыта... Ну, то есть, клад, сами понимаете.

– Тебе хорошо говорить, – вздохнул Вирлуве, – а у меня тетя, сам знаешь. Я просто вынужден вернуться со славой или погибнуть.

– Вернуться, – с неодобрением повторил Барнаба. – Ну что это ты заладил – вернуться, вернуться, просто Вернуве какой-то. Путешествие не для тех, кто хочет вернуться. Оно зовет, оно манит, оно обещает чудеса, и не важно, сдержит оно обещания или нет. Хотя меня-то оно никогда не обманывало. Путешествие длится и будет длиться всегда, но никогда не знаешь, где оборвется дорога, по которой идешь

все вдаль и вдаль, где она даст крюк, а то и вовсе приведет туда, откуда ты начал. А ты говоришь – приключения...

И Барнаба пренебрежительно покачал головой.

– Говорю, – насупился Вирлуве. – Что толку в твоём путешествии. Иди себе, иди и глазей по сторонам. Цветочки, листочки. Красота! У меня и дома цветочки росли. На подоконнике. Не такие, правда, да что мне за дело? Я – Вирлуве, рыцарь без страха и упрека. Вот я кто такой. Иначе зачем мне из дома уходить? На поиски подвигов, славы и счастья, вот зачем. Чтобы эта глупая женщина знала, с кем имеет дело.

Барнаба помрачнел и засвистел “У любви, как у пташки, крылья”.

– Что ж, – наконец, заявил он, – красота, несомненно, есть во всем – и в подвигах, и в жажде славы, и в ржавой консервной банке, несомненно. Особенно в банке. Главное видеть ее, – утешая сам себя, закончил Барнаба. – И все-таки, взгляните на небо. – Вирлуве и Просто Пиня повторно задрали головы и попытались рассмотреть что-нибудь в слепящей синеве, где высоко, над самым их головами расплывалось солнце.

– Полдень, – печально прошептал Просто Пиня. – В полдень мне бабушка молоко давала с булочкой...

– А я кофе пил, – пробурчал Вирлуве, – с ромом.

Привал и Полдник

– Вовремя ты велел нам на небо посмотреть, а, Барнаба? – съязвил Просто Пиня, когда все они расположились на большой цветочной поляне.

Вирлуве хихикнул.

– Еще бы, – как ни в чем не бывало, воскликнул Барнаба, – на небо смотреть всегда вовремя. Да и привал – чудесная штука! Остановиться и оглядеться, что может быть лучше? Дать отдых ногам, поработать зубами. Ведь именно это вы имеете в виду?

– Ну ты дасшь, Барнаба! – Восхитился Вирлуве. – Не теряешься. Я бы так ни за что не смог!

– О чем ты? – Барнаба изумленно поднял брови.

– Как о чем? – Удивился Вирлуве. – Ведь он дразнится, а ты даже и внимания не обратил. Я бы сбил, обиделся бы, может быть, дал бы ему как следует...

– А как, как следует? Я же по-пошутил... – Испугался Просто Пиня.

– Вот видишь, Вирлуве, он ж просто пошутил. Правда, Просто Пиня? – Кивнул Барнаба. – Я так сразу и понял. Мы же друзья. Стоит ли обижаться из-за шуток?

– Не стоит. Мы же друзья, – пробормотал Просто Пиня и с благодарностью взглянул на Барнабу.

Вирлуве промолчал. Он гордился своим другом Барнабой – великодушие и находчивость – вот черты истинного героя и настоящего мужчины. А Просто Пиня... Что Просто Пиня?.. Просто мальчишка, маленький к тому же. Вон, уже с головой забрался в мешок с припасами...

Вирлуве дернул мешок на себя, и Просто Пиня выкатился оттуда с маковой булочкой во рту.

– Ты-ты-ты что? – Наконец выговорил он, давась булочкой и потирая коленку.

Но Вирлуве не ответил. Он выкладывал свои кухонные трофеи прямо на траву.

– Соль, перец, мармелад в баночке, – приговаривал Вирлуве, – мармелад в коробочке, сок яблочный осветленный, сардины атлантические, кофе в термосе, вот тетя разозлится, халва любительская, это для меня, значит, сода пищевая, булочки с маком, булочки без мака, тетя просто лопнет, лавровый лист, опять этот перец, сосиски любительские, нужно было тете оставить, все яйца разбились, яичница из десяти яиц, полдник, что может сравниться с полдником, только завтрак, обед и ужин, сыр, подставка для яиц, можно выкинуть. И кто, хотел бы я знать, придумал посыпать булочки маком, пожал бы я ему руку, это – сказал бы я ему – не то, что подставка для яиц без яиц, булочки с маком – особо ценная вещь, хотя булочки без мака – тоже неплохо. Табак, а он-то откуда здесь взялся, интересно?

Но Вирлуве не успел выяснить этот сложный вопрос.

– Господа, не угостите ли табачком? – Раздался тоненький голосок из травы.

Новый член и тайное общество

– Ян Львович! – Произнес тоненький голос из травы. – Разрешите представиться.

Все уставились вниз и увидели крошечное желтое пушистое существо.

– Ой, цыпленочек! – Восторженно закричал Просто Пиня. – Цып-цып-цып...

– Ян Львович! – Строго пискнул Ян Львович. – Надеюсь, впредь я буду огражден от подобных дерзостей.

Просто Пиня заткнулся. Вирлуве хихикнул. А Барнаба любезно протянул Яну Львовичу пачку табака.

– Спасибо, не курю. – Поблагодарил Ян Львович и принялся изучать булочку с маком. – Вот от булочки и впрямь бы не отказался, коли будете так любезны.

Просто Пиня открыл рот, а Вирлуве – глаза.

– Пожалуйста-пожалуйста! – Заторопился Барнаба. – Но как же, вы сказали...

– А вот так, – невозмутимо ответил Ян Львович и приступил к булочке. – Надо же было начать с чего-то. Я, видите ли, мужчина одинокий, путешествую, вижу, этикие brave гусары на лоне природы, дай думаю присоединюсь, повеселюсь, а начать-то надо с чего-то... Ну вот, и так далее. А нет ли у вас кофейку с ромом?

– Кофе в термосе, а вот рома, увы, нет, – вступил в беседу Вирлуве.

Но Ян Львович уже не слушал.

– Это что у вас в бутылочке светленькое? Не коньяк ли? Сок яблочный осветлительный? Ну вот этого мне и налейте.

Барнаба повиновался.

– Благодарю вас, – кивнул ему Ян Львович. – Я, знаете, мужчина одинокий, путешествую, собирался поступить в пираты, или там в разбойники, к примеру. Знаете – небо и море, или – небо и лес, и свобода, свобода! Не надо в школу ходить. – Неожиданно добавил он и смутился. – Это я так, к слову. И вот иду, вижу – чудесная мужская компания, пикник. Дай, думаю, познакомлюсь – глядишь, и тайное общество изобразим.

– Что-что? – Переспросили Вирлуве, Барнаба и Просто Пиня в один голос.

– Тайное общество, – повторил Ян Львович, – Замечательное общество с тайной целью и тайным уставом.

– Видите ли, – вежливо начал Барнаба, – вы, вероятно, ошибаетесь. Мы не гусары, не пираты и не разбойники. Вы можете присоединиться к нашей компании, но знайте – террор нас не привлекает.

– Барнаба, – перебил его Вирлуве, – ты забываешь, что я рыцарь, и тайное общество – как раз то, чего мне не хватает. А тайный устав – вообще вещь. Даже странно, как это мне раньше в голову не приходило. И главное – не принимать особ женского пола, девчонок то есть. Правда же, Ян Львович?

Ян Львович закашлялся.

– Да что там! – Воскликнул Вирлуве. – Самое важное и есть – долой девчонок!

– А моя бабушка, – сказал Просто Пиня, – говорила, что девчонки тоже бывают ничего.

Тайны, тайны и тайны

– Тайны! – Захлебывался от восторга Вирлуве. – Что может быть лучше тайн?

– Цирк, – сказал Просто Пиня и засунул палец в нос.

– Цирк, – презрительно повторил Вирлуве. Он не совсем представлял себе, что такое цирк. А раз так, то уж явно чепуха какая-нибудь. – Лучше молчал бы. У тебя и тайн-то никаких нет.

– Сам молчи! – Обиделся Просто Пиня. – Я из дома тайно сбежал. Съел?

– Подумаешь, как будто я не сбежал! Я вот клад зарыл в тайном месте – целый золотой пятак – вот. И его теперь никогда, никто, ни за что не найдет.

– И ты тогда тоже не найдешь! – Прыснул Просто Пиня. – Раз никто, ни за что и никогда.

Вирлуве печально кивнул.

– А я, а я, – загорячился Просто Пиня, – я в цирк поступлю. Я уже в цирке был, с бабушкой. Я буду клоуном. И еще на лошади скакать. И жонглером тоже буду. И еще укротителем, может. С пуделем дрессированным. Буду мистер Икс. И никто, никогда, ни за что не узнает, кто я такой.

– Подумаешь а я приду в твой цирк дурацкий и ка-ак закричу – смотрите, смотрите, это же Просто Пиня! – И Вирлуве пренебрежительно махнул хвостом.

Просто Пиня растерянно огляделся.

– А я, а я буду мистером Игреком, или... или вообще не скажу какая буква...

Вирлуве не слушал.

– Знавал я, – гордо сказал он, – одного черта, который скрывал, что у него хвоста нет. Он мне по секрету говорил. Да я и сам бы догадался.

– А я, а я знавал одного мальчика, так у него был хвост! Он мне по секрету рассказывал, – не задумываясь, соврал Просто Пиня. – И показал, тоже по секрету.

– Балды вы оба! – Обернулся Барнаба, всю дорогу молча шедший впереди, время от времени бросаясь в разные стороны, падая на землю и подпрыгивая. – Балды вы оба. Тайны им подавай! Вот где тайны – всюду, всегда и во всем. В дереве, в камне, в улитке и в стрекозе...

– И в козе! – Сморщился от смеха Вирлуве.

– И в тебе, Вирлуве, – невозмутимо продолжал Барнаба. – Разве не тайна как это столько глупостей уместилось в твоей бедной головке?

Вирлуве надулся.

– Сам ты Барнаба! – Выпалил Вирлуве. – То есть, сам ты балда со своей философией, Барнаба. И ты, Просто Пинька. Сами вы в тайнах не разбираетесь. Вот мы с Яном Львовичем такую тайну придумаем, такую... и без вас как-нибудь обойдемся. Тайная тайна для тайного общества. Что-нибудь с дохлыми кошками и черепами, правда, Ян Львович?

И он оглянулся в поисках Яна Львовича. Ян Львович немного отстал. Он стоял и усердно нюхал голубой колокольчик.

– Удивительно, – сказал, наконец, оторвавшись, Ян Львович, – ничем не пахнет и не звенит. А? Что? Тайны? Да отстаньте вы от меня с вашими тайнами, ради всего святого!

(Продолжение следует)

рис. Н.Зингера

САША ЩЕРБА

Маленькое путешествие, или Кукла Вера

Жила себе, была обычная городская свалка. Как на всякой свалке, были на ней свои злодеи и свои добряки, свои пенсионеры и свои красавицы.

Вот сидят возле кучи мусора две собаки – похожая на лисицу (это Рыжий) и похожая на породистую овчарку и маленькую какую-то – это Черный. Обычно они дерутся, если голодны, кусаются, деля добычу. Сейчас они дремлют, уныло пожевывая. Огромная машина с мусором снится им обоим, и чего только нет в этой машине! Мозговая косточка для Рыжего и колбасная кожуха для Черного.

– Рыжий, – говорит сквозь дремоту Черный, – слышишь, где-то далеко едет машина с мусором? Что бы могло в ней быть?

И Рыжий отвечает, показав клык:

– Гнилая капуста, как вчера, или бракованные подшипники. На нашей свалке особо не разгуляешься. У людей много лишнего, а выбрасывают все несъедобное.

– Да, – рычит Черный, – мы живем здесь месяц и ни разу досыта не наелись. Вот когда я работал сторожем в магазине, меня каждый день кормили супом.

– А потом? – спрашивает Рыжий

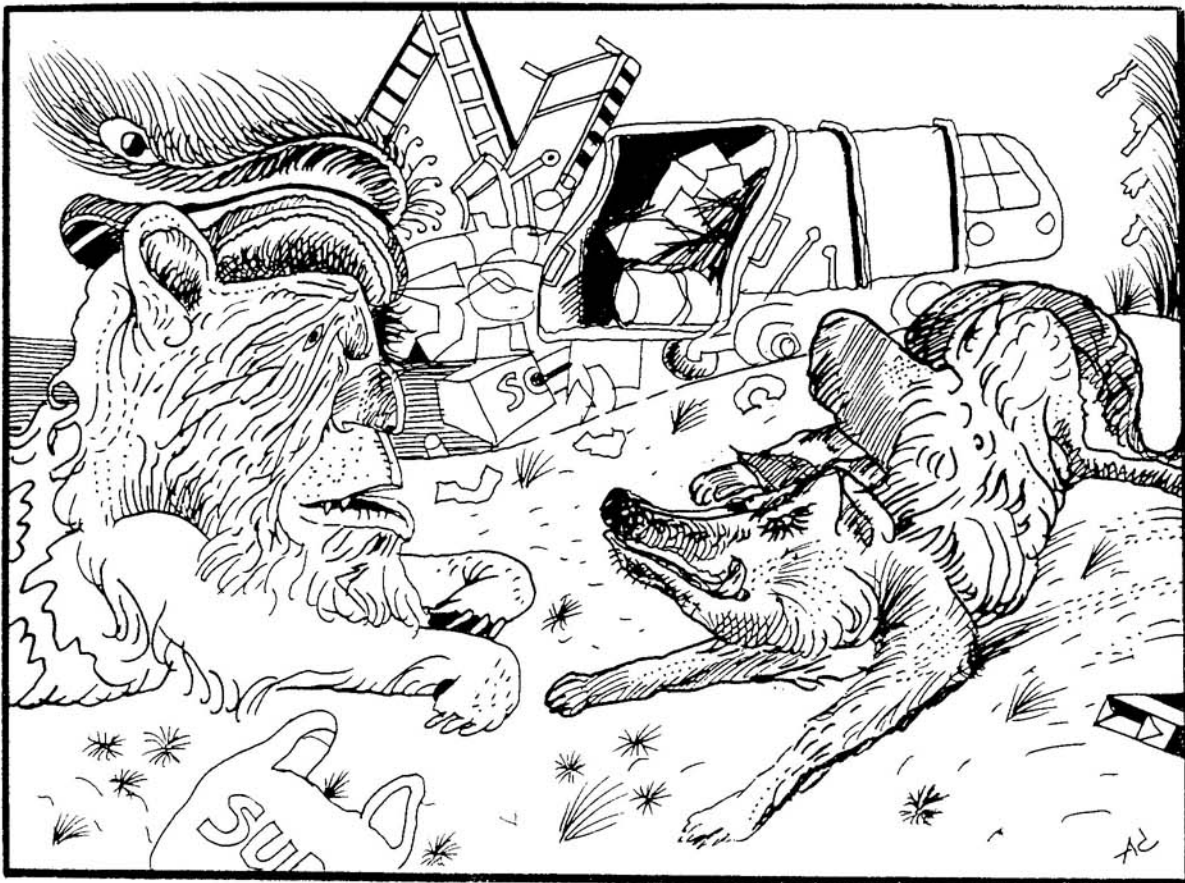
– Потом меня выгнали.

Рыжий неохотно интересуется:

– Это за что же?

– За то, что толстый пьяный дядька, которого все боялись, дразнил меня портфелем и наступил мне на лапу.

Черный задумывается....

И Рыжий не понимает. До него плохо доходит смысл сказанного Черным. Он переспрашивает:

– И за это тебя выгнали?

– Нет, – отвечает Черный. – Меня выгнали за то, что я прокусил ему ногу.

Наступила пауза в их разговоре, после которой Рыжий сообщает:

А меня никто ниоткуда не выгонял.

– Почему? – Интересуется Черный.

– Потому что я нигде никогда не работал.

– М-да! – Вздыхает Черный. – А где ты жил до этой свалки?

– На другой свалке, – отвечает Рыжий.

– А до другой?

– На другой свалке. Но на ее месте построили дом, и в него заселили людей.

В их разговоре опять наступает пауза.

– А помнишь ли свою первую свалку? Самую первую? – Нарушает паузу Черный.

– Нет. Но мне кажется, что и родился я на свалке. Нас было пятеро.

– Значит, у тебя где-то есть братья и сестры.

– А у кого их нет? – Отвечает Рыжий.

Черный шурится и говорит:

– У меня, например. Я родился один, и мать лизала меня теплым языком. Язык был большой и шершавый. А на ночь меня укрывали теплым одеялом. Ты знаешь, что такое одеяло?

Рыжий знает. Рыжий говорит:

– Это такая плотная шерсть. В нее можно заворачиваться, когда холодно.

Рыжий ежится.

– Ночью будет дождь. Нужно побегать – может, найдем, что пожевать, – говорит Черный.

Поднявшись и одинаково отряхнувшись, собаки семенят вглубь свалки... Скучно стало бы тому, кто подслушал их собачий разговор. Но что делать – не все же только веселиться?

СОБАКИ И БОТИНОК

Пока собаки убежали искать свое собачье счастье, к месту, где только что они лежали, подъехала огромная машина, высветила фарами нечто в темноте свалки, затормозила и вывалила мусор. Темноте никого не видно, слышен чей-то грубый голос, смех, слышится, как огромный некто наподдал по чему-то ногой, и это что-то, свистя и кувыркаясь в воздухе, шлепается сверху на только что образованную кучу. Дверцы машины хлопают, машина с ревом удаляется в темноту.

Конечно, нехорошо с моей стороны, что все описание такого важного события на свалке, как привоз мусора, я уместил в несколько строк. Ну, отчего я не напугал вас посильнее, отчего не напустил тумана?..

– Ох! Ох, как наподдали!

Кто это? Давайте-ка приглядимся. Ба! Да это же потрепанный желтый Ботинок, которому на свалке самое и место. И чего он возмущается?

– Ох, как наподдали! Даже сознание потерял. Где это я? Какие-то обрывки газет, целлофановые пакеты, автомобильные шины. Все очень знакомое, но очень старое. Все понятно: я на свалке. Жизнь прошла, – Так сказал старый Ботинок и собрался уже умирать, но что-то помешало ему.

Две собаки, одна рыжая, как лиса, а вторая – похожая на небольшую овчарку, прибежали

неведомо откуда и с двух сторон начали его облаивать.

– Смотри, Рыжий, наше место занято!

– Да, Черный – какой-то нахал развалился на нашей куче.

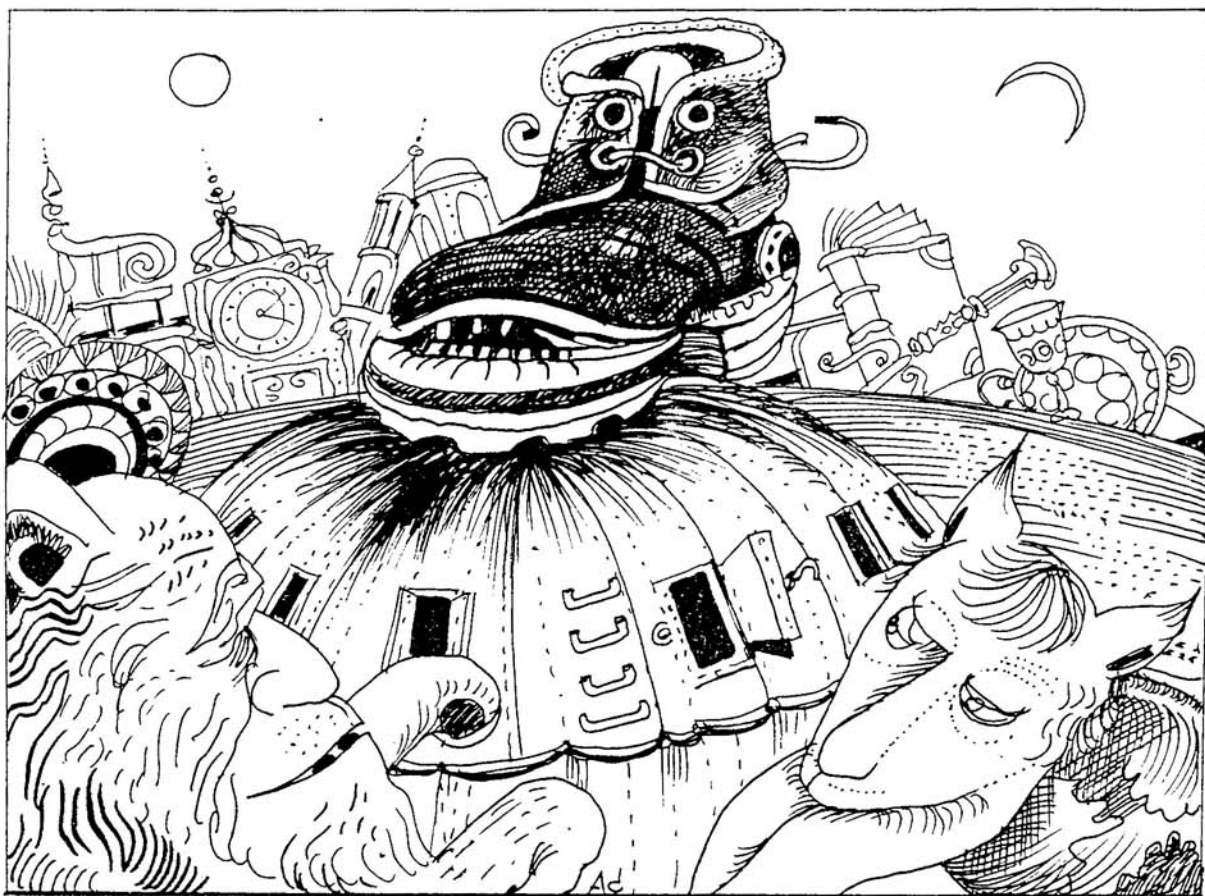
– Нужно узнать, что ему нужно! Гав! Ты кто, пузатый?

– Это наша свалка!

– Какой-то непонятный. Полай на него! И я полаю! Пусть испугается! Молчит. Испугался. Похож на нас, но, кажется, неживой...

– Нужно его обнюхать...

– Я знаю, кто это: люди надевают их на лапы, чтоб не поймать занозу. Его нужно

покусать. На всякий случай.

И тут Ботинок как закричит! Как вытарашит на них свои огромные, свои печальные глаза!

– Не нужно меня кусать! Я этого не люблю. Я вообще не понимаю, зачем нужны собаки!

– Так ты живой! – Сказал ему черный.

– Вроде бы... – сказал им Ботинок.

– А раз живой, пр-роваливай отсюда! – Сказал ему Рыжий.

Ботинок не знал, что значит "проваливай".

Собаки объяснили ему, что "проваливай" значит "испаряйся".

Но Ботинок не знал и этого. И собаки объяснили ему, что это значит "убирайся", "уйди", "исчезай", "не надоедай" и "сматывайся".

– Теперь я понял, – сказал им Ботинок. – Я должен отсюда топать.

– Вер-рно! – Сказал Черный.

– Вер-рно! – сказал Рыжий.

– Но Ботинки не ходят сами! – Сказал Ботинок.

– А что ты ешь? – Спросили его тогда собаки.

– Сапожный крем, ваксу, и иногда меня нужно мыть.

– А не ешь ли ты мозговые косточки? – Спросил Черный.

– А не ешь ли ты колбасную кожуру? – спросил Рыжий.

– Нет, – ответил Ботинок.

И Черный сказал:

– Слушай, Ботинок! Если бы ты умел бегать и кусаться и ел то же, что и мы, то мы, я и Рыжий, прогнали бы тебя отсюда, а если бы понравился, то приняли бы в стаю. Но ты не такой, как мы, а какой – мы не понимаем. Живи здесь.

И Рыжий сказал:

– Живи, но не лезь к нам, пока мы не поймем, что тебе нужно. А если ты начнешь ныть и канючить, то я раздеру тебе бок!..

БОТИНОК И КУКЛА

Ботинок лежал на свалке некоторое время один-одинешенек, и лишь изредка прибегали к нему собаки Черный и Рыжий, чтобы обнюхать его и поинтересоваться, не стал ли он съедобным.

Как-то утром Ботинок услышал голоса:

– Виталий Сергеевич, смотрите, что я нашел! Это вывалили только что! Это была кукла. Второй голос, еще грубее, чем первый, ответил:

– Далась она тебе, Сань! Выбрось эту уродину подальше и отряхни руки.

Раздался свист, и что-то шлепнулось на землю рядом с Ботиномком.

Ботинок зажмурил глаза и сказал: “Ой!” Потом он приоткрыл один глаз и увидел Куклу Веру. У куклы Веры было порвано платье, косичка еле-еле держалась на ее пластмассовой голове, а на ножках не было сандалий. Кукла Вера отряхнулась и сказала:

– Они невоспитанные, грубые люди! На что я похожа! А ведь всего месяц назад меня взяли их магазина новенькой и подарили Лене на День Рождения!

Она внимательно оглядела Ботинок и спросила:

– Не верите?

Ботинок подумал, но совсем недолго, и сказал: – Отчего же? Верю. Я сам в таком же положении.

– Я лежала в коробке, – продолжила кукла Вера, почти перебив Ботинок, – перевязанная алой лентой. Косички были аккуратно заплетены; у меня было два роскошных банта, новое платье, и на ножках – белые туфельки.

– Как это мило! – Вставил реплику Ботинок.

– Я так всем нравилась! – Продолжала Кукла Вера. – Однажды Леночка побрызгала меня духами.

Кукла Вера сделала кокетливую паузу и, будто опомнившись, спросила у Ботинка:

– А вы кто?

Ботинок ответил:

– Я – Ботинок, Ботинок... на пенсии.

– А я – Кукла Вера. А это что за местность?

– Видите ли, – ответил ей Ботинок, – это свалка, – и Ботинок опустил глаза.

Кукла Вера заплакала и сквозь слезы говорила:

– Значит, меня выбросили? Какой ужас!

Ботинок не знал, как успокоить ее, и тут раздался лай собак.

– Что это? – Спросила Кукла.

– Это собаки, – ответил Ботинок.

– Я боюсь собак! – Сообщила ему Кукла Вера. – Они могут меня покусать. Мне нужно спрятаться.

– Я мог бы предложить вам спрятаться... в меня. Но боюсь, что вам это не подойдет.

– Пустяки! – Сказала Кукла Вера и спряталась в Ботинок.

СОБАКИ, БОТИНОК И КУКЛА ВЕРА

– Пустяки! – Сказала Кукла Вера, уже сидя в Ботинке. – Здесь у Вас довольно уютно.

Из Ботинка вылетело облако пыли. Ботинок обрадовался тому, что в нем еще может быть кому-то уютно, и сказал Кукле Вере:

– А теперь сидите тихо-тихо, я вас буду баюкать, а Вы постарайтесь уснуть.

– Сны! – Сказала Кукла Вера. – Замечательные! Цветные!

– И сегодня, – сказал Ботинок, – будут замечательные сны.

И стал, чуть покачиваясь, петь Кукле Вере колыбельную.

(Продолжение в следующем номере)

Рисунки Александра Гуревича

Док. Н.Резниг

Прогулки до половины девятого

(Продолжение)

13

Ноги сами привели его к зоопарку.

- Друг зверей! - Браво гаркнул Доцент изумленной девушке-контролерше и проскользнул внутрь.

- Будьте, будьте человеком и шагайте в ногу с веком! - Распевал он, скача по дорожке. - Обжирайтесь чебуреком, будьте, будьте человеком!

- Человек, - внезапно услышал он, - создание Божье.

Перед большой клеткой орангутанов стоял маленький старичок в черном халате и меховом штремле.¹ Он задумчиво теребил свою длинную седую бороду и рассуждал вслух.

- Нет, - сказал он твердо. - Дарвин заблуждался. Из лучших побуждений иногда рождаются заблуждения.

Произнеся эти слова, он снова погрузился в созерцание обезьян.

Доцент остановился и начал прислушиваться, поглядывая то на старика, то на клетку, где чета рыжих волосатых орангутанов занималась туалетом своего непоседливого младенца.

- Достаточно только взглянуть на эту шерсть, чтобы убедиться - человек не мог произойти от обезьяны, - вновь заговорил старичок. - Да, но с другой стороны... э-э-э... если рассмотреть этот вопрос с точки зрения... гм... мой двоюродный племянничек Менаше вполне мог бы произойти... с точки зрения растительности, конечно... не про нас будь сказано, не от обезьяны, конечно, Боже упаси, но от кого-нибудь в этом роде.

И старичок тоненько захихикал. После этого он на некоторое время погрузился в молчание, продолжая теребить бороду.

Доцент молча пожал плечами и продолжал внимательно следить за этим ученым спором.

- А... это... лицо? - Внезапно привел новый аргумент старичок. - У человека оно есть зеркало души, ибо он сотворен по образу и подобию Всевышнего, да будет Он благословен, а отнюдь не обезьяны. Ну да, так вот... хотя, истины ради, кого-то мне вон то правое животное смутно на... по... да, конечно, если взять, например тетюшку Хаву-Броху...

И старичок снова захихикал, закашлялся и, испуганно обернувшись, заметил Доцента.

- Ужас, - строго сказал он. - Стыд и срам! Что они показывают маленьким детям в этом зоопарке! Стыд и срам!

И с этими словами он поспешно удалился. Доцент подошел к клетке, и вынув из оттопыренного кармана своих коротких штанишек большое зеленое яблоко, протянул его через решетку обезьянам.

- Кушайте, - ехидно сказал он, - и станете настоящими людьми.

Проворно увернувшись от куска яблочной шкурки, которую возмущенный Перак, отец семейства выплюнул в него, Доцент побежал дальше.

Из-за террариума доносились страшные крики. Завернув за угол, Доцент увидел тетку Мазаль, размахивающую пустой сумкой перед Ноахом и рабочим-арабом, опершимся на грабли, чтобы не свалиться от хохота.

- Тебе все смех, Махмуд, лишь бы зубы поскалить! - Кричала Мазаль-Интифада. - А жрать-лопать небось тоже захочешь! Что, не так? А я на своих старых ногах больше до магазина не дойду! Хватит! Если хотите обедать, можете питаться своими уродскими страусами.² Что, не так?

- Да в чем дело-то, тетя Мазаль? - Попытался выяснить Ноах.

- А в том, гори оно все синим пламенем! Опять без еды остались! Благодарите своего дорогого страуса!

- Бекеколо? - Изумленно переспросил Ноах.

- Беке-кекеке! - Рывнула Мазаль. - Птица - не птица, тьфу! Чудовище из страны уродов! Что, не так?

- Да что стряслось-то? - Переспросил Махмуд.

- А то, Махмуд-баламут, что несла это я тяжеленную сумку с продуктами и остановилась по дороге малость отдохнуть. Может, это запрещено, а? А он, динозавр окаянный, видать, голову свою на длинной шее-то и высунул и все, дьявольская погань, проглотил. И пусть теперь кто-нибудь пикнет, что ему кушать хочется! Я-то думала на старости лет найти себе тихое местечко и вот - сама сунула голову в эту петлю.

И, еще раз внушительно тряхнув сумкой, из которой высыпалось немного луковой шелухи, старушка заковыляла прочь.

- Опять фалафель готовить будет, - сказал Ноах со знанием дела. - Привет, Дохлик. На

PERUTZ PR 100

B

11A

14

завтра мы званы в гости, вот, глянь! - И он протянул Доценту под нос бежевую визитную карточку с золотым ободком.

На следующее утро Ноах тщательно причесал Ши-Ю и себя маминой щеткой для волос, а Доцент пришел, наряженный в парадный костюмчик, в котором он совершенно утонул, и в галстук-бабочку.

- Настоящий Аполлон-Махаон,³ - приветствовал его Ноах. - Ты, случайно, не выступаешь в хоре мальчиков?

- Родители обрядили, - трагически сказал Доцент, стягивая бабочку через голову и пряча ее в карман. - У них это называется "быть человеком". А я, может, орагнутаном хочу быть.

Ноах держал под мышкой обвязанную лентой картонную коробку, в которой, обложенное ватой, покоилось страусиное яйцо - подарок полковнику. Это было одно из тех яиц, которые полгода назад снесла супруга злодея Бекеколо - Нжери Моло. Высиживать яйца страусы отказались, и их использовали в качестве сувениров для друзей. Не ограничившись страусиным яйцом, Ноах выбрал самое длинное и красивое перо алмазного фазана⁴ из своих запасов для Дэлли и завернул его в целлофан, словно букет.

- Правильно, - одобрил Доцент. - Полковнику - яйцо, дочери - перо. Здорово придумано!

Он вдруг напряженно задумался.

- Ты с подарками, Ши-Ю - сама из себя подарок, а я, выходит, с пустыми?

И он с пафосом⁵ потряс своими ручками перед носом ошарашенного Ноаха, для большей наглядности широко растопырив пальцы.

- Э, ничего! - Воскликнул он через секунду. - Я им стих прочитаю. Свой. Сам сочинил по-английски. Говорят - гениальный.

Когда они позвонили у дверей старого каменного дома, окруженного цветущими кустами жасмина, им открыл сам полковник Хоуп, как всегда прямо сидящий в кресле на колесах.

- Аделаида Сесилия немного замешкалась с какао, - сказал он таким сокрушенным голосом, словно речь шла о побеге его семидесятилетней дочери с перуанским террористом. - Прошу в мой кабинет.

Усадив гостей, полковник стал развлекать их демонстрацией бумажных хлопушек различных систем, собранных им со всех концов света. Полковник взял в две руки по хлопушке и, энергично взмахнув ими в воздухе, хлопнул одновременно обеими.

Ши-Ю вздрогнула и попыталась спрятаться под письменный стол.

- Прошу простить! - Перепугался полковник. - Я не предвидел эффекта. Это, знаете, замашки старого артиллериста. Аделаида тоже жалуется. Особенно, знаете, хайнанские двойные. Они чрезвычайно чувствительны и хлопают, знаете ли, от звука автомобильной сигнализации. Крайне обременительно. Я, видите ли, неисправимый коллекционер...

- Дорогой полковник, - сказал Ноах, - позвольте подарить вам это страусиное яйцо.

- Как вы сказали, мой юный друг? Страусиное яйцо? - Оживился полковник, развязывая ленту. - Боже, какой превосходный экземпляр! Не менее восьми дюймов в длину.

Полковник Хоуп на минуту задумался.

- Видите ли, мои юные друзья, - сказал он наконец, - в детстве я начал собирать коллекцию "Яйца пернатых Британской империи". Однако время, житейские бури... давно нет ни империи, ни моей коллекции. Как вам кажется, не слишком ли поздно в моем возрасте начинать новую коллекцию?

Ноах и Феликс в один голос стали уверять полковника, что сто восемь лет - самый подходящий возраст для такого начинания.

- Вы так считаете? - Обрадовался полковник. - В таком случае - решено. С этого превосходного страусиного яйца, которое навсегда останется крупнейшим экспонатом в собрании, начинается создание новой коллекции Джисайи Малькольма Хоупа "Яйца пернатых неприсоединившихся стран".

В это время в кабинет заглянула Дэлли и торжественно объявила:

- К столу, к столу! Какао пышет паром, и пирог благоухает!

В этот день радость так и рвалась из нее наружу. Она засунула фазанье перо за ухо, почесала Ши-Ю под подбородком, взъерошила тщательно причесанного Доцента, щелкнула по носу Ноаха, сделала страшные глаза отцу и подмигнула в зеркале сама себе.

- В гостиную, в гостиную! Какао остынет! - Снова воскликнула она.

1. Штремл - меховая шапка, которую очень набожные люди носят даже летом, в жару.
2. Африканский страус (*Struthio camelus*) - огромная нелетающая птица, которая имеет обыкновение на всякий случай глотать все подряд.
3. Аполлон (*Parnasius apollo*) и Махаон (*Parilio machaon*) - очень красивые бабочки. К тому же Аполлон - греческий бог, покровитель искусств и всего прекрасного.
4. Алмазный фазан (*Chrysolophus amherstiae*) - как и панда, уроженец гор Китая.
5. Иными словами - страстно.

- Стих, - грубовым голосом произнес Доцент, и, достав из кармана носовой платок, аккуратно расстелил его на сидении своего стула.

- Подсади, - уже совсем задуманно шепнул он Ноаху и с его помощью взгромоздился на этот пьедестал.

Он стоял, возвышаясь над красиво накрытым столом с чашками какао и огромным яблочным пирогом в середине. Чашки были изумительные - белые с синим. Но всего этого он не видел, потому что глаза его были плотно сжаты за стеклами очков.

- Стих. Пом! Написал сам на англиш.

Он надолго замолчал, слегка втянув голову в плечи.

- Волнуется, - подумал Ноах, а Ши-Ю вся сжалась от напряжения, хотя запах пирога щекотал ей ноздри.

- Х-х-хо-о-о! - Вдруг закричал Доцент так оглушительно, что по сравнению с этим хлопнушки полковника показались бы нежным шелестом листьев.

- Хххолиди, холиди диэ!

Ю кэйм.

Аутсайд зэ хауз хиэ

Рэйн кэйм!

Мен энд вимен смайл,

Гив ту чилдрен прэзэнтс

Энд гоу ту вок тугэзе.

Ви ол а хэппи энд глэд,

Зэт зе прэзэнтс а нот бэд -

Зе пенсилс а блю энд рэд,

свитс энд тойз

Фо гелз энд бойз.

Ви а ол хэппи, вау!

Ю донт ноу хау.

Доцент замолк и смог, наконец, открыть глаза. В наступившей тишине было слышно, как с кончика носа Дэлли капаят в какао слезинки.

- Это... так трогательно, - сказала она. - Спасибо, спасибо, милый! Знаешь, я в детстве тоже читала стихи, стоя на стуле. Только это был Ти Эс Элиот.²

- А я тоже сочинял сам, - вспомнил полковник. - Это были баллады. И меня всегда заставляли читать их гостям. Однажды к нам пришел печник, знаешь ли, починить дымоход, и я... да... притащил табуретку, залез на нее и стал читать ему стихи.

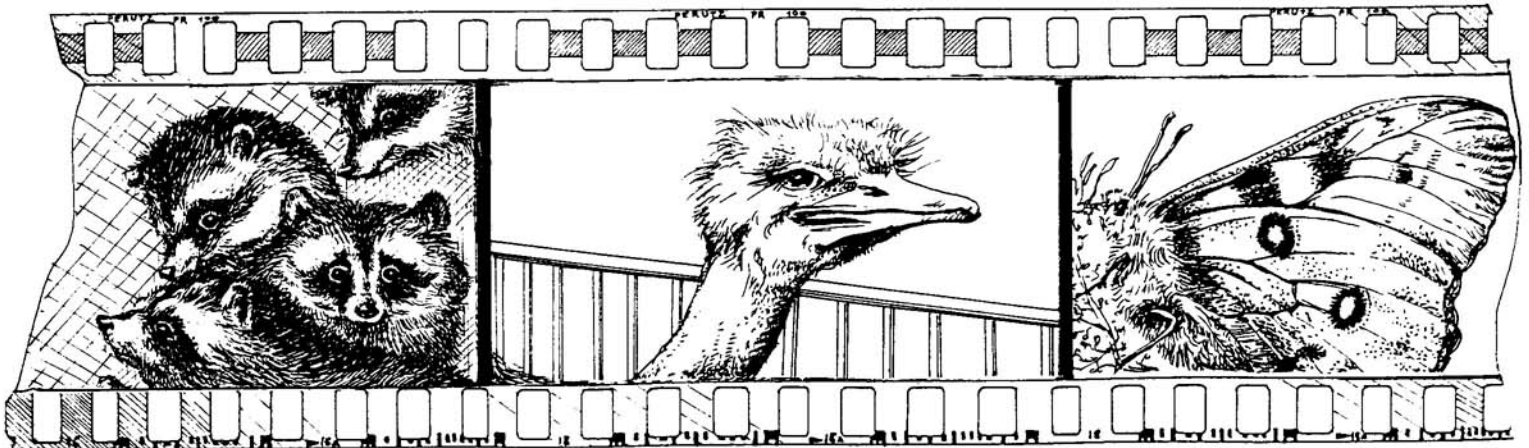
- А что же он? - Хлюпнув носом, спросила Дэлли.

- О, я прекрасно помню его слова. Он сказал: "Благослови вас Господь, маленький лорд! Может быть, только за это нам все простится там".

На этом торжественная часть закончилась, и все приступили к завтраку. Хозяева не могли надивиться на то, как аккуратно панда управлялась со своим пирогом. Всего несколько крошек упало на скатерть, но Ши-Ю их тут же слизнула. Восхищению не было конца, и Ши-Ю подкладывали все новые и новые куски.

- Смотри, не объешься, - шепнул ей Ноах.

- Очень вку..., - ответила панда, жалобно глядя на него и откусывая пирог. - Нет шил удефватфа.

PERUTZ PR 100

37 A

37

- Всю жизнь мне страшно везло на удивительные знакомства, - рассказывала между тем Дэлли. - Однажды (ешьте-ешьте, не стесняйтесь) я познакомилась с Элом Сайксом, который строил карточные домики (еще какао?) и самый большой он построил в девяносто четыре этажа из нескольких сотен колод, он был дьявольски красив (что? нет, не дом), а когда он дернул за одну какую-то карту, все сооружение развалилось. А еще, это было не так давно, в Париже я познакомилась с японским скульптором Ятакавой. Он делал скульптуры из льда и держал их в холодильниках. Много-много холодильников, весь дом был ими забит. И все-таки (подлить?) вы - самые очаровательные из моих знакомых. Так вот, однажды электричество отключилось на сутки, и вся эта красота потекла. Да, с детьми я чувствую себя в своей тарелке (Феликс, а твоя тарелка пустует!). А от Ши-Ю я просто в восторге. Много говорят про улыбку Джоконды³... а я бы сказала - тьфу на Джоконду! Лучше посмотрите, как таинственно улыбается эта зверюшка.

Час пролетел незаметно.

Несмотря на все предостережения Ноаха, Ши-Ю сильно объелась и с трудом плелась, поминутно присаживаясь отдохнуть.

- Охохо, - вздыхала она. - Тяжело старушке. Очень-очень вкусно, только спать хочется.

16

К середине дня Ши-Ю расхворалась. От съеденного пирога у нее разболелся живот, и она лежала на спине в углу своего домика и жалобно стонала. Дорожку, ведущую к ней, перегородили барьером, и посетители в очередной раз сочли себя обманутыми.

Профессор ветеринарии и китайский специалист по акупунктуре⁴ осматривали больную, а Директор, Ноах, господин Го и все работники зоопарка ждали у входа, замерев в напряженном молчании. Ноах чувствовал себя виноватым во всем. Ведь он мог ее остановить.

- Только бы ей помогли, - твердил он про себя, - только бы ей помогли...

- Колит⁵, по-видимому, можно исключить? - Сказал профессор ветеринарии.

Иглоукалыватель хихикнул и сказал: "Тя!"

- Обычное переедание?

- Тя!

- Вероятно, лечение иглоукалыванием не потребуется?

- Нет!

- Однако необходим постельный режим?

- Тя! - решительно кивнул иглоукалыватель и, снова хихикнув, пощекотал Ши-Ю за ухом.

- Хорошо, что не будут колоть меня иглами, - подумала Ши-ю. - Лучше уж умереть, чем превратиться в дикобраза.⁶

Директор, у которого немного отлегло от сердца, в сопровождении всей группы понес Ши-Ю к себе домой, на ходу придумывая объяснительную речь для тетки Мазаль. Чтобы держать публику на расстоянии, впереди процессии шествовали два работника. Огромный рыжебородый профессор Илюша, подрабатывающий в зоопарке уборкой, размахивая метлой, размеренно выкрикивал голосом простуженного буйвола:

- Ра-зайди-сь! Па-старанись!

А следовавший в двух шагах сзади Махмуд, лучезарно улыбаясь, умягчал эту политику кнута порцией пряника:

- Прощения просим! Ну-ка, отойдите в сторонку, будьте любезны! Ай, тетя, осторожно! У нас маленькая заминка - зверь захворала. Ну-ка, в сторонку! Ай, какой милый мальчик! Маму слушаешься? Отойдите, сделайте милость, с дорожки. Прощения просим! Работа наша такая. Вы, господин, бумажку маленькую обронили! Вот она. А вас, может, подвинуть, мадам? Доктор говорит, летальный исход исключается.⁷ Маленькая заминка...

Ши-Ю уложили в бывшую детскую кроватку Ноаха, и весь день не спускали с нее глаз. Даже Мазаль растрогалась и произнесла прочувствованную тираду о том, что все под Богом ходят.

Ши-Ю все еще было худо, и Ноах вызвался спать рядом с ней, чтобы немедленно подать сигнал отцу, если что-нибудь понадобится. Панда так охала и ворочалась, что он вылез из кровати и сел рядом с ней на стул, решив всю ночь не смыкать глаз.

Ши-Ю снился странный сон, как будто она сидит в большом зале, а вокруг нее собралась толпа, и все показывают на нее пальцами и чего-то ждут. Потом вперед выходит иглоукалыватель. Она его сразу узнала - у него много рук, и в каждой руке пучок длинных тонких иглолок.

- Тя-тя-тя! - Говорит иглоукалыватель и начинает втыкать в нее иголки. А иголки, воткнувшись, превращаются в пестрые цветы.

- Была пандой - станешь полянкой! - Закричали все вокруг. - Была пандой - станешь полянкой!

- Тя-тя-тя! - Быстро-быстро закивал иглоукалыватель. - Лянькой-лянькой-лянькой!

- Как же так? - Думает Ши-Ю во сне. - Ведь все же под Богом ходят.

И она поднимает глаза вверх, а там, под потолком, висит не то Бог, не то огромный

яблочный пирог. Он очень сердито на нее смотрит и говорит:

- Была пандой - станешь лавандой.⁸ Это я тебе говорю. Вот вырастешь большая и толстая, как я...

Тогда Ши-Ю не выдержала и закричала:

- Нет, я не хочу никем быть! Я хочу быть маленькой и гулять до половины девятого! Я хочу гулять до половины девятого!

Задремавший на стуле Ноах вздрогнул и проснулся.

- Де-вя-та-ва, - тихонько стонала Ши-Ю.

- Что с тобой? - Испугался Ноах. - Что ты, маленькая?

- Маленькая? - Ши-Ю на мгновение открыла глаза. - Это хорошо, а то я все раздувалась и раздувалась... Это хорошо, что ма...

И она снова закрыла глаза и заснула, теперь уже спокойно посапывая. Ноах заметил, что она улыбается.

1. Перевести это стихотворение очень трудно. Речь в нем идет о празднике, дожде, подарках для детей и большом человеческом счастье.

2. Томас Стернс Элиот - знаменитый английский поэт, который много писал о котах и бесплодной земле.

3. Джоконда, она же Мона Лиза - картина Леонардо да Винчи, изображающая ехидно улыбающуюся женщину, похожую на самого живописца в юности.

4. Человек, который лечит болезни, втыкая в особые точки на теле специальные иглы и объясняющий, что это помогает не сразу. К городу Акко отношения не имеет.

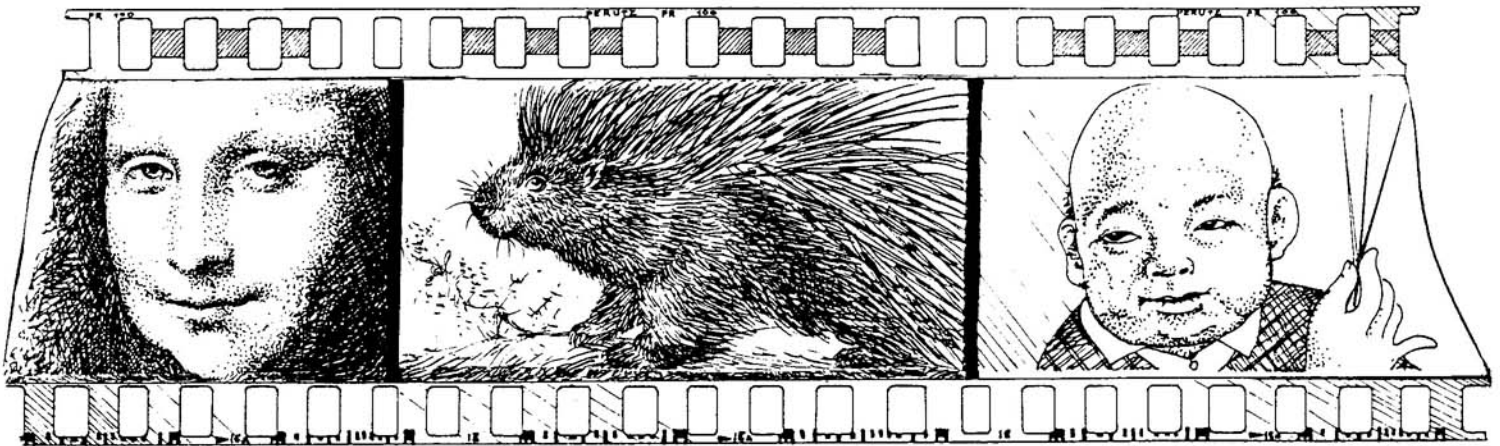
5. Воспаление какой-то кишки.

6. Дикобраз (*Hystrix cristata*) - животное из отряда грызунов, покрытое длинными иглами, чтобы неповадно было хватать.

7. То есть смертельный

8. Лаванда (*Lavandula officinalis*) - ароматическое растение с бледно-голубыми цветами, похожими на длинные свечки.

(Продолжение следует)

АННИ БУРНА

ГОЛУБОЕ ЯЙЦО

В это утро Бибу, маленький заяц, нашел яйцо в саде. Это очень смешное, оно было всё синее.

– Посмотрите! – Закричал Бибу очень гордо. – Посмотрите на красивое яйцо!

Курицы подошли, кудахтая.

– Ой! Какое противное яйцо! – Сказали курицы. – Мы сеем красивей!

– И наши потолще, – прибавили гуси. – Нам голову паришь своим яйцом.

“Никто не любит моё яйцо”, – подумал Бибу. – “Я его продам. Я буду богатым и куплю себе морковки”.

Он пошёл в город и устроился в середине базара. Он закричал:

– Кто хочет купить моё красивое яйцо?

– О! Какое гадкое яйцо! – Говорят покупатели. – Оно, конечно, несъедобное! Мы хотим покупать яйца белее, чтобы сделать себе омлет.

“Никто не хочет купить моё яйцо”, – подумал огорчённый маленький заяц. – Ну, ладно, я его подарю фермере (фермерше). Она будет рада и даст мне в награду несколько морковок.”

Но когда она увидела синее яйцо, то она закричала:

– Какое ужасное яйцо! И есть, наверное, какой-нибудь дракон внутри или какой-то злой монстр (чудовище) с большими зубами! Пошёл вон отсюда, Бибу, со своим яйцом, которое пугает!

“Никто не любит моё яйцо, тем хуже им!” – сказал себе Бибу. И он, грустный, пошёл к себе домой. Он положил яйцо в угол. Но его палы оказались синими и липкими: это яйцо растаяло. Он начал их лизать – м-м-м, очень вку-у –усно!

– Моё синее яйцо, оно из сахара! – закричал восхищённо Бибу.

А теперь угадайте, что делает Бибу? Он кушает своё синее яйцо. И он видит, что сахар лучше этих морковок.

Владимир Шарасов

НАПЮРМОРИИ

Растение, расправив крылья,
стоит на ножке.

Изобразим-ка изобилье —
растенья рожки:

в тарелке яхонты клубники,
златые искры

в них вправлены, гора черники
поодаль в миске,

смородину, нет, лучше клюкву
насыпем также

в ведро, и редкостную букву
напишем, даже

произнесем — откройте рты
пошире — это буква *Ы*.

МЕНТА

ВИШНЯ

ЕЖЕВИКА

КЛУБНИКА

КАКОС

ЯБЛОКО

**В
З
Р
О О
С
Л
Ы
М**

**В
К
У
С
Н
О
М**

Лиза Король, 3 года

– Ты – моя рыба, – сказала Лиза, вооруженная пластмассовыми ножом и вилкой, приближаясь к хвосту спокойно дремлющего кота.

Илюша Ротенберг, 2,5 года

– Папа купил колу.
– Хм, папа – он же умничка.

Женя Сергеев, 6 лет

– Грибы бывают ядовитые и едовитые.

Ася Трофимова, 5 лет

– Холодец – это когда большой сугроб мяса кладут в холодильник, и он постепенно тает.

– Девочки, мойте руки, будем кушать.
– Кушать? Кушать! Но только не завтракать!

Боря Именитов, 7 лет

– Наркоманы пьют наркотики
вместо чая и компотика.

– “Кэтли” – сухарики к пиву для кошек.

Маня Король, 3 года

– Посоли мне кашу сахаром!

Надя Бантик-Краинская, 7 лет

Мальчик шёл, шёл, шёл,
Подосиновик нашёл.
Сделал пять припрыжек
И увидел рыжик.
Вдруг домой зовут сестрички.

Он обратно – там лисички.
И собрал он все грибы,
И принёс к себе домой.
И сказал одной сестричке:
– Ты грибы скорей помой!

В		Г
З		Р
Р		У
О	О	С
С		Т
Л		Н
Ы		О
М		М

Шуламит Таль, 4,5 года

– Когда я вырасту, я куплю себе платье в горошек, бамбу, бисли, барби, коробку шоколадных конфет, настоящую лошадку, а потом я стану Богом и уже ничего себе не куплю.

Ася Трофимова, 5 лет

– Хочешь увидеть африканского принца?
 – Да, хочу.
 – Вот он лежит, зеленый, он умер, а зеленый он от листьев.

Илюша Мазья, 3 года

Куропатка идет, кувыляя.
 Залп из ружей.
 Она на земле.
 Там охотники в зимнюю стужу
 поджидали собак на горе.

Боря Именитов, 7 лет

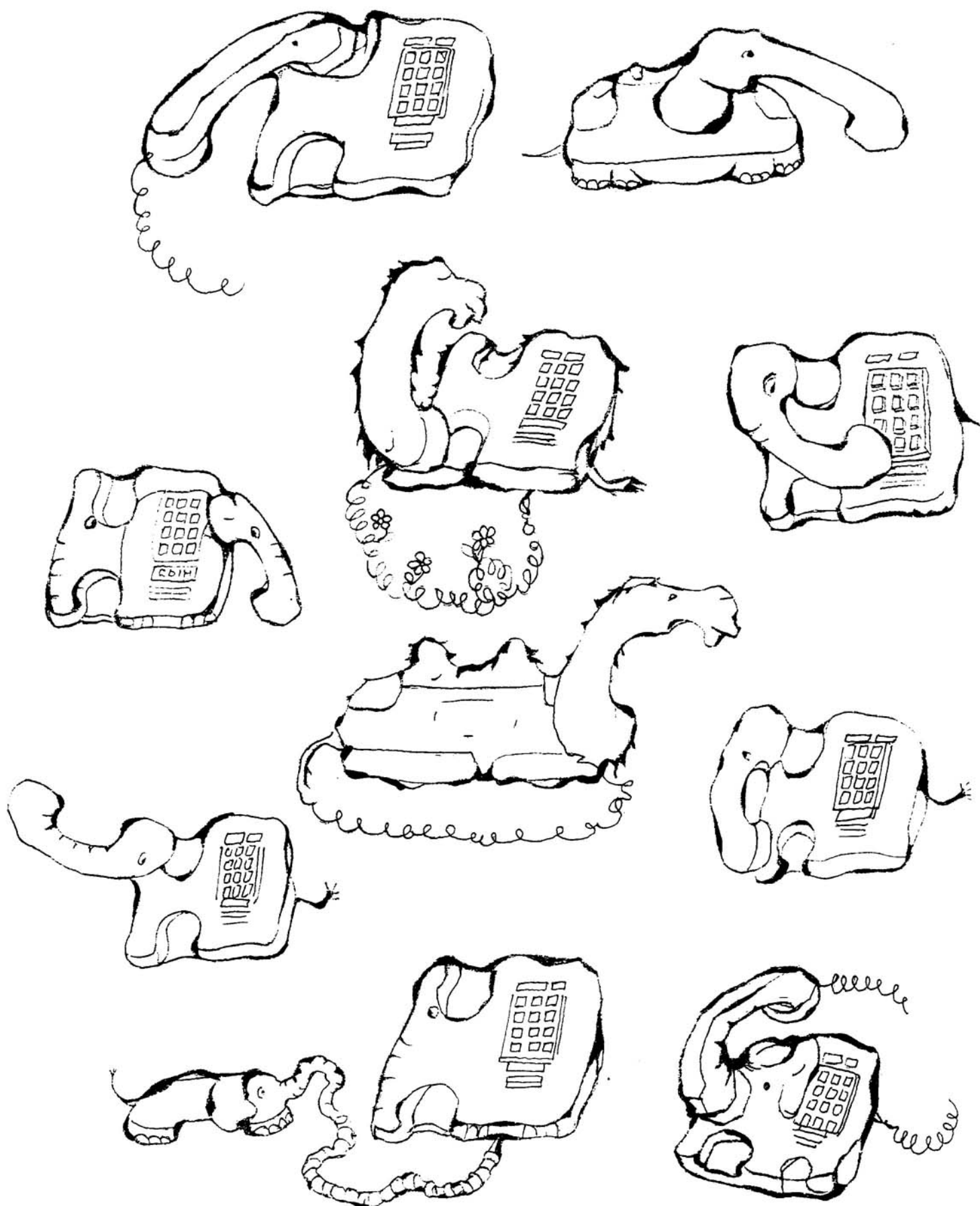
Осторожно, дяденьки, двери закрываются.
 Следующая станция – Площадь Революции!
 Осторожно, дяденьки, цены повышаются.
 Следующая станция – Площадь Революции!
 Осторожно, дяденьки, динамит взрывается.
 Следующая станция – Площадь Революции!
 Осторожно, дяденьки, тетя улыбается.
 Следующая станция – Площадь Революции и т.д.

Шуламит Таль, 4,5 года

– Мама, я хочу машинку, нет, я хочу автобус, нет я хочу дом. Мама, ну купи мне хоть что-нибудь маленькое!

Заставка Мани Король

РАССКАЖИ СКАЗКУ

Нарисовала Адина-Надя Роз
(Продолжение в следующем номере)